

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Теория исторических и социально-образовательных процессов

УДК 37:39:93/94 (479) “1817 – 1864”

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОКУЛЬТУРИВАНИЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

*В.А. Штурба, доктор исторических наук,
профессор, почетный профессор Кубанского
государственного университета*

В статье проанализирована образовательная политика Российской империи на завоеванных в ходе Кавказской войны территориях. Дан обзор форм и методов проведения духовно-нравственного ассимилирования местных племен и народностей. Продемонстрирована забота российского правительства о культурной самобытности горских народов, выразившаяся в формировании этнически ориентированных образовательных моделей.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кавказская война, образовательная политика, сословное общество, образование, культура, ассимиляция, этнические традиции, учебный процесс, аманаты, казеннокоштные вакансии, горские школы, пансионы.

Край, куда переселили казаков из Запорожской Сечи, был уже давно населен множеством различных этносов и народностей. Колонизация этих земель представляла собой очень сложную задачу не только военного подчинения, но и духовно-нравственного «окультуривания» горских племен и народностей, которые, несмотря на принятие ислама, по многим параметрам находились на уровне первобытно-общинного строя.

В процессе завоевания Кавказа взгляды на стратегию и тактику его покорения неоднократно менялись. Так, назначенный кавказским наместником в 1826–1831 гг. И.Ф. Паскевич-Эриванский писал об этом Николаю I:

«Чем более делаю я наблюдений, тем более удостоверяюсь, что направление политики и отношений наших к горцам были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил...» [1, с. 7].

Несмотря на то что Паскевич приписал в свой актив множество результатов деятельности других полководцев этой войны (например, Ермолова), его политика на Кавказе заметно отличалась от предыдущей. В отношении внутренних кавказских дел, занимавших, кстати, во время его наместничества весьма незначительное место, он выступал за всестороннее изучение Кавказа с целью формирования многоуровневой колониальной политики.

Развитие образования местного населения, таким образом, являлось ключевым моментом всей колониальной политики Российской империи в этом регионе. Учитывая

предыдущую практику Российского государства по присоединению новых земель, можно сделать вывод, что модель образования и в этом случае должна была быть открытой, дающей равные возможности представителям местного населения и казакам-переселенцам. Именно этот принцип, в отличие от крайне неравноправной колониальной образовательной политики Великобритании и Франции, всегда был определяющим в России.

Рассматривая становление и развитие региональной модели народного образования на Северо-Западном Кавказе в 1830-е–1864 гг., следует заметить, что проходило оно в специфических условиях Кавказской войны. После окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Закубанье согласно Адрианопольскому мирному договору вошло в состав Российской империи и горцы, проживавшие там, становились подданными России. Исходя из этого трактата, российское правительство и строило образовательную политику по отношению к своим новым подданным, желая как можно быстрее привести их с помощью просвещения к гражданскому повиновению. Однако горские племена не признавали условий Адрианопольского мира, утверждая, что они никогда не входили в состав Османской империи и Турция не имела права уступать России того, чем она сама фактически не владела. Поэтому Россия должна была с помощью вооруженной силы утверждать условия Адрианопольского мирного договора. Война с горцами Закубанья продолжалась с 1830-х гг. до мая 1864 г. [2].

Если исходить из того, что Кавказская война полностью окончилась только в 1864 г., точнее сказать, Закубанье и соответственно горцы Северо-Западного Кавказа были включены согласно Адрианопольскому трактату в состав Российской империи никак не раньше этой даты, рассмотрение процесса формирования этнически ориентированных образовательных моделей предполагается уже в другой период истории Кубани. Однако здесь мы сталкиваемся с очередным историческим парадоксом, когда, несмотря на все сложности переживаемого времени, первые попытки формирования региональной культурно-этнической образовательной модели предпринимались российскими властями именно в эту драматическую пору.

Начальный этап в нелегком деле формирования горского образования под эгидой российского правительства приходится на 1830–40-е гг. Именно в это время, судя по сохранившимся архивным документам, предпринимаются первые попытки правительства привлечь горцев к образованию через военно-учебные заведения [3].

Правительственными распоряжениями было «повелено определять ежегодно детей горских князей и первостепенных узденей в Первый, Второй, Павловский и Александровский кадетские корпуса, в каждый по шести и в Александровский 12, а также почетных мусульман Кавказского края от 20 до 30 человек, независимо от тех почтеннейших, которые будут назначены в пажи, и тех, которые находились в родстве с служащими кавказцами в конвое его величества», о чем говорится в отношении временно командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерала Заводовского на имя командующего Черноморской кордонной линии от 30 сентября 1845 г. Согласно документу отбор детей горцев для обучения в российских учебных заведениях осуществлялся по специальным правилам. Во-первых, они должны были быть не моложе 6 не старше 13 лет, а главное, «все они должны быть детьми князей, первостепенных узденей и почетных мусульман, кои пользуются между единоплеменниками особым уважением, доказали на опыте преданность нашему правительству». Во-вторых, предполагалось, что молодые горцы после окончания Санкт-Петербургских военно-учебных заведений будут «действовать на умы единоплеменников своих в видах нашего правительства».

Так, например, 21 октября 1845 г. в станице Полтавской Таманского округа вошло в строй окружное училище, в котором было предусмотрено отделение для детей черкесов и татар, проживавших на территории Черноморского казачьего войска. Для них выделялось десять вакансий за счет государственного казначейства. Взаимное обучение детей казаков

и горцев, как отмечалось в приказе по Черноморскому казачьему войску от 21 октября 1845 г., проистекало из благих предначертаний монарха «... относительно сближения с нами соседей и, уже отчасти, сограждан наших черкес» (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника) [4].

В этом училище стараниями штаб-офицера Табанца было предусмотрено помещение «для жительства преподавателя азиатского языка, в намерении, чтобы желающие из детей черкес и татар учились нашему языку и грамоте, а взамен наши дети желающие чтобы учились азиатским языкам». К малолетним горцам был приставлен избранный обществом Гривенско-Черкесского аула мулла Хатин Смаил-Закирь Гумеров для наставления их в родной религии.

Вовлечению горцев в учебный процесс во многом способствовало составление в начале 1840-х гг. российским подданным Люлье черкесского словаря. В январе 1844 г. коллежский асессор Люлье прибыл в район Черноморской береговой линии к исполняющему должность начальника этой Линии генерал-майору Будбергу с целью проверить на месте составленный им словарь. Сверив основные положения своего словаря в беседах с прикубанцами, Люлье выпустил этот ценный труд в свет.

Мы видим, что в отличие от колониальной политики западных держав, строго отделявших местную знать от колонизаторов, в России применительно к горцам действовал общероссийский сословный принцип, предоставляющий привилегии, в частности, в сфере образования, для верхушки адыгского общества.

Так, в одном из документов, вышедших в штабе войск Кавказской линии и Черномории в октябре 1842 г., говорилось о том, что «шеф жандармов, командующий императорскою главною квартирою, неоднократно просил господина командующего войсками Кавказской линии о присылке ежегодно горцев в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения непременно в летние месяцы, не позже 1 августа. За всеми предпринятыми мерами в настоящем году не было выполнено это требование». 1 декабря того же года Могуков рапортовал генералу Н.С. Заводовскому об изъявлении желания двумя представителями жанеевского племени учиться в российских военно-учебных заведениях. Однако через полгода у предполагавшихся кадетов нашелся дядя, который «не разрешил им отправиться в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения» и «взял их на воспитание как сирот» [5, с. 252].

Для горцев было также выделено десять мест в Уманском окружном училище. Однако адыги не до конца использовали предоставлявшиеся им возможности для получения бесплатного образования за счет российского казначейства. Как отмечал в своем рапорте от 9 октября 1851 г. исполняющий обязанности наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал Г.А. Раппель командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Н.С. Заводовскому, «дети черкесских дворян приискиваются для помещения в пансионе с большою трудностью». Да и в Полтавском окружном училище, ближе всего расположенном от мест проживания адыгов, вакансии были заполнены не полностью: в 1845 г. училось шесть горцев, в 1857г. – только пять.

Сам Александр Николаевич, будущий император Александр II, в своем отношении наместнику императора на Кавказе от 14 октября 1849 г. указывал еще на одну причину неуспеха горского образования в российских вузах: отсутствие предварительной подготовки и, главное, незнание русского языка. «Все сии малолетние, – отмечал цесаревич, – поступают большей частью без знания русского языка и без всяких предварительных познаний; следовательно, только при отличных способностях и особенном прилежании они могут следить за курсом наук». При этом он предлагал набирать в учебные заведения «не слишком взрослых горцев» и «в таком возрасте, в котором они могли бы легче выучить русский язык и следовать за учебными программами» [6].

Временно командовавший Черноморской кордонной линией генерал-лейтенант Г.А.Раппиль, безусловно, хорошо знавший местные условия, в своем рапорте командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Н.С. Заводовскому 21 июня 1852 г. писал: «... касательно пользы воспитания горцев в военно-учебных заведениях, имею честь донести, что в настоящее время из горцев, подведомственных управлению Черноморской кордонной линии, находится только один есаул Могуков, воспитывавшийся в военно-учебном заведении, да и вообще их в здешнем крае постоянно было никак не более трех, следовательно, при подобном обстоятельстве еще трудно сделать какое-нибудь правильное заключение о том, полезно или вредно воспитывать детей горцев в военно-учебных заведениях...» [7].

Как видим, почти десятилетняя практика наборов в военные училища детей адыгской знати дала мизерные результаты. Меры образовательного характера, предпринятые Черноморским правительством в отношении кубанских адыгов, не дали положительных результатов.

В 1850 г. уже среди самих горцев появился высокообразованный учитель черкесского языка (преподавал в течение десяти лет в Екатеринодарской гимназии) Ахмет Шаимов, которого специально командировали в Ставропольскую гимназию «для составления письмен черкесского языка». А. Шаимов в свое время воспитывался в Египте, знал турецкий, арабский и черкесский языки.

Следует отметить, что в престижные кадетские корпуса адыги поступали без всякой предварительной подготовки и соответственного знания русского языка. Эффективность обучения была невелика, что в конечном итоге и вынуждено было признать военное начальство, в ведении которого эти училища находились. Анализируя сложившуюся в этом деле ситуацию, военный министр сообщал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом 7 мая 1853 г., что цель правительства образовывать горцев через воспитание в военно-учебных заведениях не достигается.

Дело в том, что большинство горцев не желали получать образование из рук своего военного противника. Характер образования был светский, многие ценности, которым учили следовать горских юношей в кадетских корпусах, кардинально расходились с тем, что они получили в ходе семейно-общинного воспитания на родине. Исламские традиции и обряды, которым молодого человека учили следовать с малых лет, не поощрялись в новой обстановке. К тому же ввиду кровно-родственной организации и традиционно сильных родственных связей среди многих родственников кадетов были ортодоксально настроенные мусульмане – ярые враги русского народа и русской культуры, которые препятствовали обучению детей в немусульманской среде. Коренные жители Закубанья прибегали к всевозможным хитростям, чтобы не посылать своих детей в неведомые им российские военно-учебные заведения.

На следующем этапе правительство постаралось сделать выводы из допущенных ошибок. Был значительно изменен подход к образованию коренного населения, расширена его сословная доступность. Суть новой политики состояла в том, что власти решили уменьшить число горцев, отправляемых в корпуса, и способствовать их воспитанию ближе к местам непосредственного проживания.

В целях реализации общероссийской образовательной программы в 1853 г. был утвержден новый проект Положения об учебной части в виде опыта на 4 года. В указе Правительствующему Сенату была выражена Высочайшая воля: «Сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний и, таким образом, постепенно вводить на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, какая существует в прочих частях государства» [8, с. 330–331].

Таким образом, Положение 1853 г. было согласовано в своем содержании с законами по учебной части, действовавшими во всей империи; допущены были, однако, такие отступления, которые диктовались местными условиями и временными

потребностями. Одновременно с этим повышена была сумма, раньше определенная на учебную часть на Кавказе, до 220 тыс. р. в год, причем казенные начальные училища преобладали в Закавказском крае, а в Черноморской дирекции учебные заведения содержались на войсковые средства, и только на Екатеринодарскую гимназию выделялось 14 000 р. Несмотря на то что введение на Кавказе Положения совпало с неблагоприятными для мирной жизни политическими обстоятельствами, успех учебного дела выразился красноречивыми цифрами учащихся, определяемых уже не сотнями, как прежде, а тысячами. Так, к началу 1856 г. общее число учащихся составило 5 953 чел.

Указом императора в Екатеринодарской войсковой гимназии третья часть учебных мест (а именно 25) отводилась для малолетних горцев, «оказавших способность в науках». Предписывалось не отделять горцев от русских «ни во время классов, ни вне оных». С марта 1857 г. эта квота была увеличена еще на 10 мест. Положенные в Ставропольской гимназии 15 вакансий для почетных горцев были всегда заняты, кроме того, постоянно поступали просьбы от горцев о зачислении их детей в это учебное заведение. Впоследствии, с одобрения Николая I, число горских вакансий в Ставропольской гимназии было увеличено до 50 [9, ст. 28228].

Кубанский краевед И.Д. Попка по этому поводу писал: «В пансионах при гимназии и двух окружных училищах учреждены особые вакансии для детей мирных черкесских дворян. Мера благотворная и совпадающая с нравами закубанских горцев. У них дети людей, отличенных родом, воспитываются не там, где родились, но на стороне, в чужих семействах и как можно дальше от родительской нежности. Отец, когда бывает в том ауле, где воспитываются его дети, не войдет в дом их аталыка (воспитателя), если не захочет покрыть себя стыдом. Школьное сотоварищество казаков и горцев молодого возраста помогает первым изучать язык последних, преподавание которого введено в гимназический курс. Изучение этого языка для черноморских казаков, поставленных в самые близкие и разнородные сношения с горцами, совершенно необходимо» [10, с. 207].

Как видим, руководство Кавказского учебного округа и военная администрация края использовали самые разные возможности для того, чтобы поставить обучение коренных жителей региона на прочную базу, ибо только составление учебных пособий на родном наречии могло сделать освоение программного материала школ и гимназии продуктивным.

Подобная образовательная политика, несомненно, было полезной и удобной с различных точек зрения. Родственники обучающихся в северокавказских учебных заведениях горцев имели больше возможности для их посещения и, следовательно, для необходимого контроля. Быстро распространявшаяся информация об успехах обучения вызвала решения об отдаче новых воспитанников в русские школы и гимназии. Не последнюю роль играло также и то обстоятельство, что дети находились в привычном климате и уже в силу этого реже болели и меньше подвергались стрессам. Они пользовались правом за хорошие успехи бывать в каникулярное время дома. Обстоятельства эти, маловажные на первый взгляд, при длительном их сохранении, безусловно, приносили существенную пользу в образовании и воспитании коренного населения Северного Кавказа.

Следует заметить, что аманаты (заложники), которых горцы предоставляли российским властям в ходе Кавказской войны в знак выполнения взятых на себя договорных обязательств, не просто находились в плену, а получали образование в черноморских училищах за счет казны. Командовавший тогда Черноморской кордонной линией, а в последующем наказной атаман Черноморского казачьего войска, писатель и историк, генерал-майор Я.Г. Кухаренко писал 6 февраля 1854 г. начальнику г. Ейска полковнику И.В. Чередыеву следующее: «У нас находится 13 человек аманатов, взятых от горских племен в залог их верности Русскому престолу. Все они распущены по разным станицам у жителей Черномории, и некоторые из них обучаются русской грамоте в окружных училищах. Им определено на довольствие и одевание каждому по 30 копеек

серебром в сутки, что составляет одному в месяц 9 рублей, а на всех 13 человек 117 рублей серебром» [11].

В то время, когда Кавказская война на востоке региона уже близилась к завершению и окончательному покорению местных племен и народов, наместник императора на Кавказе генерал-адъютант князь А.И. Барятинский вошел к Александру II с предложением учредить «для образования детей горских туземных племен Кавказа особые школы». Император, признавая полезным и необходимым учреждение таких школ, согласился с их введением «в виде опыта, на четыре года», как это было в случае с общероссийской образовательной программой в 1853 г. Он одобрил составленные и рассмотренные Кавказским комитетом проект устава и штата горских школ, «предоставив наместнику Кавказскому и главнокомандующему Кавказской армией в течение означенного срока делать в сим уставе и штате все те изменения и дополнения, кои он признает нужными и полезными» [12, ст. 28277].

Устав о горских школах был высочайше утвержден 20 октября 1859 г., когда военная драма на востоке региона уже закончилась в пользу России, а на северо-западе предстояли еще более чем четырехлетние боевые действия. Но верное своему генеральному стратегическому плану, российское правительство неуклонно стремилось привить начала гражданственности коренным народам, несмотря на продолжавшиеся боевые стычки. В параграфе первом первой главы Устава цель введения горских школ так и определялась: «...для распространения гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами, и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей...» [13, ст. 34654].

Согласно этому документу, по праву считавшемуся одним из важнейших в деле формирования кавказской национально-этнической образовательной модели, предполагалось введение уездных и первоначальных училищ. Окружные школы «на первый раз» учреждались в следующих местах: во Владикавказе, в Нальчике и Темир-Хан-Шуре, а начальные – в Усть-Лабе, Грозном и Сухум-Кале.

Горские школы, находясь на местах, состоящих в военном управлении, содержались за счет казны, и определенные на них по штату суммы отпускались военным ведомством.

Открывающиеся школы находились в своеобразном двойном подчинении: гражданского директора училища и местного начальника военного округа (в хозяйственном отношении). Последний пользовался правами и преимуществами почетных попечителей, но без необходимости подчиняться попечителю Кавказского учебного округа.

Окружные школы состояли из четырех классов, в числе которых был приготовительный. Управлялись они на общем основании, как и прочие подведомственные Кавказскому учебному округу уездные и окружные училища, штатными смотрителями, которые назначались главнокомандующим Кавказской армией, наместником императора на Кавказе по представлению попечителя учебного округа из учителей, отличавшихся педагогическими познаниями и опытностью и известных учебному начальству своею безукоризненною нравственностью. Штатные смотрители окружных школ назначались преимущественно из лиц, имевших диплом действительных студентов университетов или окончивших полный курс наук в специальных педагогических классах Ставропольской гимназии.

Кроме штатного смотрителя, при каждой из названных школ имелся законоучитель православного исповедания и мусульманского закона, три учителя наук и один учитель приготовительного класса. Законоучители отбирались из числа духовных лиц, окончивших курс в высших учебных заведениях или полный курс специальных педагогических классов в Ставропольской гимназии или, по крайней мере, в гимназиях и равных им учебных заведениях. Тщательный отбор квалифицированных кадров для работы в горских школах свидетельствовал о стремлении кавказского учебного и военного начальства к качественному обучению своих будущих питомцев.

Параграф шестой второй главы Устава подчеркивал, что в горских окружных школах, открываемых преимущественно для туземцев и детей русских военных и гражданских чиновников, могут обучаться мальчики из всех других свободных сословий без различия вероисповедания. Другими словами, горские школы не были изначально закрытыми учебными заведениями. Единственным ограничением для поступления в них являлось отсутствие свободы, что означало запрет приема в них российских крепостных крестьян. Но этому ограничению оставалось существовать совсем недолго: в феврале 1861г., после отмены крепостного права в России, и это ограничение было снято, тем более что на Кубани не было крепостного населения.

Учебный план окружных школ предусматривал преподавание следующих дисциплин:

- 1) Закона Божьего православного вероисповедания, т.е. молитвы, краткого катехизиса, краткой Священной истории и понятий о богослужении православной церкви для детей православного вероисповедания;
- 2) мусульманского закона для мусульман;
- 3) русского языка и русской грамматики с практическими упражнениями в языке;
- 4) краткой географии: всеобщей и русской, последней со статистическими сведениями об административном устройстве Российской империи вообще и Кавказского края в особенности;
- 5) арифметики и понятий о геометрии;
- 6) чистописания и по возможности рисования.

Курс в окружных школах полагался годичный для каждого класса, исключая приготовительный, в котором дети в зависимости от их учебных успехов могли пребывать более двух лет. Учебный год начинался 15 августа и заканчивался 1 июля. За обучение в этих школах взималась плата в размере 5 р. в год с каждого приходящего ученика. Дети малосостоятельных родителей, поступающие в обучение по представлению педагогического совета школы, утвержденного местным военным начальством, освобождались от платы [14].

Окончившие окружные горские школы ученики пользовались теми же правами, что и выпускники уездных училищ Кавказского учебного округа. Завершившие курс обучения с хорошими оценками принимались в четвертые классы гимназий этого учебного округа без экзаменов.

Начальные горские школы состояли из трех классов, один из которых - приготовительный. Руководители или смотрители набирались из опытных наставников, как и в окружных училищах.

В этих школах преподавали Закон Божий для православных и мусульманский закон для лиц, исповедующих эту религию; русский язык, чтение с объяснениями читаемого, письмо под диктовку, понятия о составе речи; «счисление» и первую часть арифметики; понятия о земле и самый краткий очерк русской географии; чистописание.

Плата за обучение в этих школах составляла 3 р. в год с освобождением от нее бедных учеников на тех же основаниях, что в окружных школах. Учащиеся, окончившие начальные школы с хорошими оценками, принимались без экзаменов во вторые классы уездных училищ и гимназий Кавказского учебного округа.

При горских школах учреждались пансионы: при Владикавказской школе – на 120 воспитанников, при Нальчикской, Усть-Лабинской, Темир-Хан-Шуринской и Грозненской – по 65 в каждой и при Сухум-Калеской – на 40 воспитанников. По мысли составителей Устава, делалось это как для облегчения средств родителей содержать детей своих в училищах, так и для того, «чтобы разумным и нравственным воспитанием вкоренить в молодом поколении горского юношества истинные правила чести, долга, трудолюбия и порядка и через то приготовить их к той гражданственности, которая есть, собственно, главная цель их образования».

Зачисление горцев на казеннокоштные вакансии производилось главным военным командованием края, русские же зачислялись наместником императора на Кавказе по представлению начальника края.

Часть воспитанников постоянно содержалась в пансионах за счет казны: во Владикавказском – 80 (из которых 50 горцев) «из лучших и знатнейших фамилий» Военно-Осетинского округа и 30 детей русских военных и гражданских чиновников; в Нальчикском – 25 (в том числе 10 кабардинских князей и узденей); в Темир-Хан-Шуринской, Грозненской и Усть-Лабинской школах – по 40, из которых в последней школе было 25 представителей из закубанских племен и 15 – русских чиновников. Остальные вакансии заполнялись пансионерами за счет общественных сумм, а также средств, находившихся в распоряжении наместника Кавказа со своекоштными учащимися. Годовая плата за одного воспитанника была определена в сумме 80 р. серебром[15].

Воспитанники пансионов по окончании обучения в таких школах возвращались к родителям, а «оказавшие же отличные успехи» горцы могли поступать на казенный счет в гимназии по представлению главного военного начальника края, но с разрешения главнокомандующего Кавказской армией.

Согласно Уставу содержание воспитанников «должно быть достаточно, но просто, и без всякого щегольства и роскоши. Главное в пище – ее доброкачественность, а в одежде – опрятность». Воспитанники пансионов были одеты в форменный тип одежды. Пункт № 46 Устава подробно перечислял материальное довольствие пансионера: «Воспитанники имеют по два полукафтана: будничный и праздничный, две пары брюк, к которым прибавляются еще летние, по шести перемен белья носильного, по 3 перемены постельного, по 4 полотенца, по 6 платков носовых, по одному пальто. Сукно на кафтанах должно быть самое дешевое, но прочное, пальто шьется из солдатского сукна» [16].

Пища давалась воспитанникам три раза в сутки. Завтрак состоял из калмыцкого чая с хлебом или просто из хлеба с местным сыром, молоком или вареными овощами; обед был обычно из двух блюд: супа с мясом или каши с маслом и мясного блюда. По воскресным и табельным дням, а также в праздники к обеду прибавлялось еще третье блюдо.

Заболевшие воспитанники отправлялись на лечение в офицерские отделения местных госпиталей и лазаретов.

Также в Уставе оговаривался возраст для поступления на казеннокоштные вакансии. Принимались мальчики не моложе девяти и не старше 15 лет, а именно: в приготовительные классы дети могли поступать до 13 лет, в первый класс окружных школ – до 14 лет, во второй – до пятнадцати лет (дети старшего возраста в пансионы на казенный счет не принимались).

Подводя итог описанию региональной системы образования на Кавказе в начале – середине XIX в., нельзя не отметить выдающихся выпускников Ставропольской и Кубанской гимназий из числа горского населения.

В марте 1861 г. известный впоследствии адыгский писатель-просветитель С. Крым-Гирей Инагов окончил пансион для детей горцев при Кубанской войсковой гимназии, где изучал латынь, французский, немецкий и русский языки, физику и другие предметы, и был зачислен по направлению Главного управления учебных заведений на Кавказе в Петербургский университет по «математическому разряду».

Выпускником Ставропольской гимназии был Адиль-Гирей Кешев, неоднократно побеждавший на литературных конкурсах. В 1860 г. он стал студентом Петербургского университета, который ему не удалось закончить, так как он был исключен из него и выслан в Ставрополь за участие в студенческих волнениях. На родине Адиль-Гирей Кешев несколько лет проработал преподавателем в Ставропольской гимназии, а затем главным редактором газеты «Терские областные ведомости». Достаточно неплохая карьера для молодого диссидента – это к вопросу о «притеснениях и геноциде коренных кавказских народов кровожадными царскими жандармами».

Выдающийся адыгский просветитель Умар Хапхалович Берсей после окончания службы в российской армии в качестве переводчика азиатских языков при начальнике правого фланга войск Кавказской линии преподавал в Ставропольской гимназии черкесский язык. Учеником У. Берсея был Адиль-Гирей Кешев. Заслуга У.Х. Берсея заключается том, что он составил букварь черкесского языка, по которому обучал своих соплеменников. Кроме того, он разработал и систематизировал грамматику адыгейского языка. В 1862 г. совместно с видным кавказоведом П. Усларом он создал на русской графической основе азбуку кабардинского языка, которой пользовался в своей работе просветитель адыгов Казн Атажукин.

Из других адыгских просветителей следует отметить Султана Казы-Гирея, получившего начальное образование в аманатской школе; Султана Хан-Гирея, успешно закончившего один из Петербургских кадетских корпусов.

Сохранилось несколько документов, которые свидетельствуют об опеке местных властей над учениками, о попытках устроить их дальнейшую судьбу. Красноречивый пример подобного участия демонстрирует нам рапорт инспектора Новороссийской азиатской школы поручика Амбрасевича Новороссийскому коменданту подполковнику Оглоблину от 18 марта 1853 г., в котором отмечается, что воспитанники этой школы Тугуз Таитль, Хастемир Клоух, Осман Хачак, Осман Хаведжи Оглу и Осман Удгоухо, имевшие от роду 13–15 лет, «окончили определенный четырехлетний срок в школе и сделали хорошие успехи в науках, положенных программой для школ Черноморской береговой линии учрежденных...». Далее в документе говорилось, что эти воспитанники, кроме всего прочего, «поведения хорошего» и поручик Амбрасевич «покорнейше просит ходатайства о назначении вышеупомянутых воспитанников в одно из казенных учебных заведений для дальнейшего образования» [17].

Исполнявший должность начальника главного штаба войск на Кавказе в своем отношении начальнику Черноморской береговой линии от 26 августа 1853 г. уведомлял его о том, что «два воспитанника Новороссийской азиатской школы Индар Тляуш и Купзеш Хохоз, окончившие положенный для обучения четырехлетний срок, но по малолетству и сиротству не в состоянии себе снискать пропитания, могут остаться в школе еще на непродолжительное по усмотрению Вашему время» [18].

Важно признать, что несмотря на завоевательную политику, российские власти проявляли реальную заботу и гуманность в деле установления гражданской культуры в среде новых подданных Российской империи.

Военные события Кавказской кампании в этот период серьезно повлияли на вопросы, связанные со становлением системы образования в регионе. Российское правительство не могло сразу распространить грамотность на всей территории Закубанья, которой оно фактически еще не владело. Поэтому к делу народного образования на первых порах привлекалось ограниченное число горских народов, принявших присягу на подданство Российскому государству. На начальном этапе был использован способ привлечения к обучению горцев через военно-учебные заведения, но он полностью не оправдал себя: долгий отрыв от своих семей, проживание в непривычном климате, слабое знание, а порой и незнание русского языка создавали большие трудности в обучении, и оно было малоэффективным.

Затем был использован метод привлечения горцев к обучению на месте через окружные училища и две гимназии (Ставропольскую и Черноморскую), в которых для местных жителей Северного Кавказа выделялись специальные вакансии за счет средств государственного казначейства. Этот путь оказался более продуктивным, но не настолько, как рассчитывало правительство. В 1859 г., на завершающем этапе Кавказской войны, российское правительство решило перейти к определенной системе в организации национального (горского) образования. Об этом свидетельствует высочайше утвержденный 20 октября того года Устав горских школ, давший хорошую правовую

основу для дальнейшего развития образования среди коренных жителей Кавказа, но претворение в жизнь его норм стало возможным уже в послевоенный период.

Что касается образования представителей других, в частности европейских, наций, то о них вопрос тогда еще не стоял. Черноморское казачье войско в дореформенный период было закрытым регионом. Проживать на его территории могли только казаки, несшие пограничную службу. Изменения в этом произошли лишь после отмены крепостного права и окончания Кавказской войны.

Образовательная модель, созданная в первой половине XIX в. в Северо-Кавказском регионе как и везде в России, несла в себе все элементы имперской образовательной политики, вместе с тем она была очень гибкой и ориентированной на этническое своеобразие местных народов. В конфессиональном плане православие в образовании имело некоторый приоритет, однако ислам не притеснялся и гарантировалась свобода вероисповедания. Национальная дискриминация, принижение тех или иных народов, запрет на получение образования в связи с теми или иными этническими особенностями (кстати, весьма распространенная практика в просвещенных европейских странах того времени) в России не наблюдались. Единственным видом неравноправия была сословность, но в рассматриваемый период это была проблема всего российского общества, а не только Северного Кавказа.

В целом же можно с достаточной уверенностью сказать, что процесс подчинения системы образования государственным интересам, начавшийся в России в XVIII в., был довольно успешно реализован в первой половине XIX в. по всей стране. Развитая государственная система образования наглядно продемонстрировала свои преимущества в процессе присоединения к Российской империи новых территорий Кавказа, их освоения и постижения новыми подданными гражданской культуры единого многонационального государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Потто В.А.* Кавказская война: в 5 томах. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. Т.5.
2. В данной статье автор придерживается официальной точки зрения российской (впоследствии советской) историографии на ход Кавказской войны. См.: *Потто В.А.* Кавказская война: в 5 т. М., 2007. Однако кроме этой точки зрения существуют и другие, например: *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
3. Речь идет в первую очередь о фондах Канцелярии начальника Черноморской кордонной линии Черноморского казачьего войска ГАКК. Ф. 261; Канцелярии наказного атамана Кубанского казачьего войска (бывшая канцелярия кошевых и войсковых атаманов Черноморского казачьего войска) ГАКК. Ф. 249; Дирекции народных училищ земли войска Черноморского ГАКК. Ф. 470 и некоторых других.
4. РГИА. Ф.733. Оп. 165. Д. 615. Л. 56–57.
5. *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 475. Л. 55–57.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2040. Л. 343.
8. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 1, Ставропольская губерния. Департамент Генерального Штаба. Военно - статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 10, Восточный берег Черного моря. Департамент Генерального Штаба. СПб., 1855; Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области) М., 2008. (репринтное издание 1911 г.)
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 29. СПб., 1855.
10. *Попка И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
11. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 2044. Л. 3.

12. ПСЗ. Собр. 2. Т. 29. СПб., 1855.
13. ПСЗ. Собр. 2. Т. 30. СПб., 1860.
14. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 439. Л. 10.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2012. Л. 35-47.
16. Там же. Л. 47.
17. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2043. Л. 13.
18. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2043. Л. 76.

EDUCATION AS A CULTURAL ELEMENT FOR MOUNTAIN PEOPLES OF THE CAUCASUS AT THE CLOSING STAGE OF THE CAUCASIAN WAR

*V.A. Shturba, Doctor of History, Professor,
Honourary Professor of Kuban State University*

The article analyses the educational policy of the Russian Empire in the territories conquered during the Caucasian War. The review of forms and methods of introducing spiritual and ethnic assimilation of local tribes has been presented. The concern of the Russian government about the cultural uniqueness of mountain peoples has been demonstrated. It is realized by means of forming ethnically oriented models.

Keywords: *Northern Caucasus, Caucasian War, education policy, class society, education, culture, assimilation, ethnic traditions, education process, amanats, educated at the expense of the crown vacancies, mountain schools, boarding schools.*

УДК 930

ЭСЕРЫ И МЕНЬШЕВИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА

*А.Ю. Сулов, кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин Казанского
государственного технологического университета*

Рассматривается процесс эволюции образа представителей оппозиционных социалистических партий (меньшевиков и социалистов-революционеров) в историческом сознании советского и российского общества с 1920-х гг. до современности. Особое внимание обращено на художественный кинематограф как один из важнейших культурных трансляторов массового исторического сознания.

Ключевые слова: *социалисты-революционеры, меньшевики, историография, историческое сознание, художественный кинематограф.*

Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, т. е. задача доказать, что ими была совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена